

Записная книжка. 1919–1920*

<Фрагменты>

<...>

* * *

У царя Николая был Распутин, у царя-народа — Ленин. Тот — мужик; этот — интеллигент; тот блудник и пьяница; этот — скопец и трезвенник; тот — изувер с Богом; этот — без Бога. Как различные и подобны! Не в глазах, а во взоре, или только в возможности взора — один и тот же русский хмель, русский бес, черный Дионис; одно и то же безумие хлыстовских радений, все равно каких, монархических или анархических.

* Впервые: Свобода. 1920. 28 и 31 июля. №№ 10 и 13.

* * *

В последние дни царя Николая, стоило взглянуть в лицо Распутина, чтобы понять: это бред, наваждение; это не может длиться долго. И теперь, стоит взглянуть в лицо Ленина, чтобы понять: это долго длиться не может: второй Распутин падет, и начнется вторая революция, — нет, не вторая, а первая — все та же единственная, не оконченная, а только задержанная, заваленная не растаявшей ледяной глыбой опрокинутого самодержавия — Октябрьской контрреволюцией.

* * *

Грядущий Хам узнается по дурному запаху. Это шутка? Нет, эстетика не шутка, а проникновение в сердце вещей. Некрасота, антиэстетика русской «социалистической революции» — зловещий знак. Жизнь прекрасна; все живое цветет и благоухает; только мертвое глеет и смердит.

* * *

Как благоуханны наши Февраль и Март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горние! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих! Где она сейчас? Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее.

<...>

* * *

Ленин — самодержавец, Горький — первосвященник. Он — в такой же ласковой оппозиции к Ленину, как Суворин — к Николаю II. У Горького и Суворина — одно и то же лицо, на все готовое: «Чего изволите?» У обоих в душе — один и тот же провал в пустоту, в нигилизм, в «босячество». Оба — великие блудники или, вернее, блудницы. Абсолютная русская женственность, абсолютная проституция.

<...>